

«ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ХУДОЖНИЦЕ...»

Знаменательным был 1973 год для главного художника Башкирского академического театра драмы имени Гафури Галии Шакировны Имашевой. Она удостоена высокого звания — народный художник РСФСР...

МОСКОВСКИЕ улицы и проспекты изнемогали от зноя. После работы люди стремились укрыться в тенистых аллеях парков, торопились к реке. Старожилы говорили, что такого горячего августа еще не было на их долгом веку. Даже вечером жара не спадала. Прогретые каменные печи, излучали жар. А тем временем в небольшом старинном здании на улице Горького шла своя, очень напряженная жизнь. Со дня на день в театре имени Ермоловой должны были начаться гастроли Башкирского академического театра драмы.

Рабочий день главного художника Галии Шакировны Имашевой, приехавшей в Москву раньше всей труппы, длился, казалось, бесконечно. Так уж сложились обстоятельства...

В конце сезона в Уфе блестяще прошла премьера трагедии Мустая Карима «Салават». Очень тепло было встречено оформление спектакля, выполненное Галией Шакировной с романтической приподнятостью, размахом, со свойственным ей пониманием специфики произведения. Этой работе она отдала много сил. И вдруг художница получает экстренный заказ: сделать совсем новое оформление к «Салавату» для показа его во время московских гастролей в театре имени Ермоловой, сцена которого значительно меньше уфимской. Срок фантастически короткий — всего месяц. Месяц на раздумья, на разработку нового варианта, на исполнение!

Начались дни, когда радостная окрыленность сменялась отчаянием: «Вдруг не успею? Счастливые, наполненные неожиданными находками часы — часами мучительных поисков единственно верного варианта... Были моменты, когда она работала, забывшая об обеде, ужине, сне. Время, казалось, мчалось с космической скоростью.

И вот открытие гастролей. Памятный, волнительный, счастливый для всего коллектива, день. С утра она помогала заканчивать монтаж своей персональной выставки в фойе театра и, стараясь скрыть тревогу, ждала вечера. А вечером была радость. Раскрылся занавес, и перед зрителями в своем стремительном беге предстали ставшие теперь знаменитыми имашевские кони. Зал разразился овациями. Потом, когда театр опустел, ее поздравляли друзья, знакомые. А представительница Министерства культуры СССР, видевшая уфимский вариант оформления, развела руками: «Ну, знаете ли... Да вы же сделали просто невозможное! Впрочем, всю жизнь — и в ранней молодости и теперь — она привыкла ставить перед собой максимальные задачи. Первая женщина-башкирка, ставшая профессиональным художником, Галия Шакировна шла в своем творчестве дорогой, по которой до нее еще никто не ходил. И с первых

же шагов ее девизом стало: обрести свой, только свой почерк — никакой подражательности, иллюстративности... Щедро одаренная от природы, наделенная богатейшей фантазией и особым колористическим даром, она работала так, что каждое новое сценическое оформление становилось событием.

Дар перевоплощения — качество, которое необходимо не только актеру, но и художнику. Она владеет им в совершенстве.

Позитивная, светлая тональность эскизов раннего ее спектакля «Галиябану» и суровый колорит драмы «Муса Джалиль»: Н. Исанбета, изысканность и даже некоторая вычурность интерьера в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера и мрачный, гнетущий мир горьковской пьесы «На дне», а рядом — солнечная, озорная личность «Волшебного курая» З. Биишевой и красочные, правдиво рисующие обстановку итальянского быта эскизы в «Филумене Мартурано» Эдуардо де Филиппо. Трудно представить, что все это сделано руками одного человека...

Время быстро течет. Между девочкой с блестящими черными косами, интересно начавшей свой творческий путь в колхозно-совхозном театре, и признанным мастером театральной декорации пролегла дистанция в несколько десятков лет. Годы приносили славу, награды, почетные звания, но все это ничего не изменило в творческом процессе. Она относится к себе с прежней беспощадной требовательностью: по многу часов не выходит из мастерской, очень строго (куда строже, чем другие!) судит свои работы, может по несколько раз переделывать вполне, казалось бы, законченные вещи и, словно дебютантка, волнуется перед каждой премьерой.

Человек сильного, волевого характера, спокойный и выдержанный, она в день нового спектакля бывает совершенно неузнаваемой. Взволнованно меряет шагами гулкие коридоры, снова и снова заходит за сцену, спускается в пустой еще зал и оттуда, с какого-нибудь ряда кресел, придирчиво осматривает свое детище.

Человек больше тридцати лет проработал в одном театре, достиг высокого мастерства. Есть ли почва для бесконечных тревог?

Однажды я спросила ее об этом.

— Конечно, есть, — сказала она, немного помолчав. — А вдруг повторюсь? Вдруг сделанное будет в чем-то хуже прежнего? Зритель, может быть, ничего и не заметит, а сама себе этого никогда не простишь... У каждого художника должна быть своя высота.

И неожиданно рассмеялась.

— Вот вы не поверите, наоборот. А я, перед тем как начать оформление нового спектакля, робую, словно первоклассница на первом своем уроке. Впрочем, это чувство

знакомо, пожалуй, каждому художнику.

Вот как, оказывается, бывает!

Ни многолетний опыт, ни безупречный творческий почерк, ни имя — ничто не позволяет настоящему мастеру хотя бы на короткий срок почувствовать себя спокойным и безмятежным. Потому что у него есть своя высота, стремясь к которой, он всякий раз достигает высшей степени самовыражения.

За последние два года персональные выставки Галии Шакировны не раз экспонировались в Уфе, побывали в Москве, Казани, Ленинграде. Во время фестиваля национальной драматургии ей был вручен диплом I степени за блестящий успех ее экспозиции, а в книге отзывов появились целые страницы новых записей, в которых люди разных профессий выражали свое восхищение ярким самобытным талантом гостьи из Башкирии. Нельзя не привести хотя бы некоторые:

«Глубокоуважаемая Галия Шакировна! Ленинградские художники театра и кино были счастливы познакомиться с Вашим творчеством и Вами лично — очаровательной героической женщиной. Все Ваши работы говорят о глубокой убежденности и преданности большому, трудному делу — искусству театра. В них удивительно сочно передан колорит родного Вашего края. Благодарим! Желаем новых творческих успехов и верим, что они будут. Залог тому — Ваша богатая душа, талант, любовь к людям».

«Дорогая Галия Шакировна! Из башкирской драматургии я знаю лишь пьесу Мустая Карима «В ночь лунного затмения». Видала ее во многих оформлениях, но Ваши эскизы кажутся самыми смелыми, удачными, красочными. Каждая работа имеет самостоятельную ценность. Это настоящие картины. И, право же, я получила от них такое же наслаждение, как от картин Кундиди, моего самого любимого художника».

Заслуженная артистка РСФСР Л. СЕРГЕЕВА (театр имени Комиссаржевской).

А литературовед Л. Бланк, проанализировав работы Галии Имашевой, написал: «Земной поклон художнице за счастье, которое она дарит людям своим творчеством».

Лучше, пожалуй, не скажешь...

Я давно знаю Галию Шакировну и очень люблю солнечное ее искусство. Но, пожалуй, не меньшего уважения заслуживает она и как человек, прошедший через годы огромного труда и не растерявший своей юношеской одухотворенности, влюбленности в жизнь.

Мы стоим у окна ее мастерской, смотрим на сероватое небо, на деревья, утопающие в снегу, и она рассказывает о балете «Легенда о Салавате» — новой своей работе, которая завладела ею целиком. Рассказывает увлеченно, интересно. О музыке, которая теперь постоянно с ней, об образах, которые часто греются и волнуют, о том романтическом приподнятом духе, в котором решается все оформление. А кругом эскизы, эскизы...

Это третий «Салават» в ее жизни. Драма «Салават» Баязита Бикбая, трагедия «Салават» Мустая Карима. И вот теперь — балет, где она, как и прежде, непременно скажет свое новое слово.

Л. НЕЧАЕВА.